

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

СМОЛОВА ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии и психологии здоровья Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, lidia_smolova@mail.ru

LIDIYA V. SMOLOVA

Cand.Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Counseling and Health Psychology of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 159.9

СОВЕСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН: ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «СОВЕСТЬ» — ВАЖНЕЙШЕЙ КАТЕГОРИИ ЛОГОТЕРАПИИ В. ФРАНКЛА

CONSCIENCE AS A FUNCTIONAL ORGAN: UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF CONSCIENCE AS THE MOST IMPORTANT CATEGORY OF VIKTOR FRANKL'S LOGOTHERAPY

Аннотация. Автор размышляет о содержательном наполнении известного высказывания В. Франкла о совести как органе смысла. Раскрывается концепция функционального органа по А.А. Ухтомскому. Проводятся аналогии биологических органов и органов, не проявленных морфологически. Совесть традиционно описывается как категория морального сознания. Между тем она может быть рассмотрена в качестве функционального органа, который сонастраивает ежедневные конкретные деяния человека с системой его ценностей, представлениями о высших принципах и правилах жизни, в контексте более высокого начала. Функцией совести и выражением ее вовне являются императивы нравственности. Совесть не является органом, порождающим смыслы в прямом смысле этого слова, но познается и расшифровывается ими. Смыслы помогают обнаружить связи с законами морали и объединяют в человеке реальное и трансцендентное.

АБСТРАКТ. The article discusses the famous statement by V. Frankl about conscience as a meaning organ. The concept of the functional organ developed by A.A. Ukhtomsky is revealed. Analogies are made of biological organs and organs that are not morphologically manifested. Conscience is described as a category of moral consciousness. It is argued that Conscience can be viewed as a functional body that co-adjusts the daily actions of a person with his system of values, ideas about higher principles and rules of life, recognizing them in the context of the higher beginning. The function of conscience and its expression outside are the imperatives of morality. Conscience is not a body that generates meanings in the truest sense of the word, but is cognized and deciphered by them. Meanings help to find connections with the laws of morality and unite the real and transcendent in a man.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: совесть, логотерапия, В. Франкл, функциональный орган, мораль, смысл, трансцендентное, психологическое консультирование.

KEYWORDS: conscience, logotherapy, V. Frankl, functional organ, morals, meaning, transcendental, psychological counseling.

Науму и Софье с благодарностью.

Появление логотерапии, созданной великим австрийским психологом В. Франклом, стало для классической психологии настоящим событием. Она не похожа ни на одно направление: в центре рассмотрения находится смысл как движущая сила человеческого поведения и существования в целом. Но что есть смысл и как его искать?

Смысл, с точки зрения В. Франкла, неразрывно связан с категорией совести, которая принадлежит

к числу специфически человеческих проявлений. Именно она помогает совершать выбор, даёт свободу, необходимую для того, чтобы постичь смысл своего существования.

Феномену совести В. Франкл посвящает две важнейшие главы своей книги «Подсознательный бог» (1948): «Экзистенциальный анализ совести» и «Трансцендентность совести». Он считает, что «... только она одна в состоянии согласовать "вечный", всеобъемлющий "моральный закон"

с соответствующей конкретной ситуацией конкретной личности. И эта совесть, которую автор изначально представляет в форме духовного бессознательного, "подсознательного бога", является выражением трансцендентности духовного бессознательного» [17, с. 172].

Для В. Франкла совесть и смысл связаны между собой тесными узами. По его мнению, *совесть — есть орган смысла*, поскольку направляет человека и помогает обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации [30, с. 38]. Иными словами, выявление смысла происходит посредством совести как особого органа. Эта интереснейшая идея требует прояснения и более глубокого вхождения в ее содержательное наполнение.

Цель настоящей статьи — раскрыть высказывание В. Франкла о совести как органе смысла.

Начнем с необычного для психологического контекста термина «орган» и поговорим о нем подробнее.

Орган (от древнегреч. «инструмент») — обособленная совокупность различных типов клеток и тканей, выполняющих в живом организме определенную функцию. Под *биологической функцией* (от лат. «деятельность, исполнение, отправление») понимают деятельность клетки, органа, организма, проявляющуюся как физиологический процесс или совокупность механизмов действия, присущую каждой структурной организации материи: всасывания, моторная, транспортная, адаптационно-трофическая, защитная, генеративная и т. д. [4]

Так, из физиологии известно, что главной функцией сердца является обеспечение постоянного и непрерывного кровотока по всему организму; основной функцией почек является выведение из организма конечных продуктов обмена веществ; функция печени — детоксикация и т. д. В биологии органом называется лишь та совокупность тканей и клеток, которая имеет устойчивое положение в пределах организма и чье развитие прослеживается в пределах онтогенеза (органогенеза).

Однако еще в начале прошлого века А. А. Ухтомским была высказана мысль о том, что орган не всегда может быть выражен морфологически. В отличие от обычного понимания органа как чего-то постоянного, А. А. Ухтомский дает динамическое его определение, обозначая этим словом всяческое сочетание сил, могущее привести, при прочих равных условиях, всякий раз к одинаковым результатам.

А. А. Ухтомский пишет, что «с именем органа мы привыкли связывать представления о морфологически сложившемся статическом постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» [27].

А. А. Ухтомский называл функциональный орган динамическим подвижным деятелем, рабочим сочетанием сил, подчеркивая, что он представляет собой новообразование, возникающее в активности индивида, взаимодействующего со средой. Он есть не морфологическое, а энергичное

образование («сочетание сил», «вихревое движение»). А. А. Ухтомский именовал их *виртуальными механизмами* (от лат. *virtualis* — возможный), которые осуществляются последовательно, по мере надобности, и соответственно целиком не даны внешнему наблюдателю, но видны лишь в исполнении. Они вырабатываются в онтогенезе и в функциональном генезе [5].

Идея *функциональных органов* прочно вошла в физиологию, а также психологию, позволила по-новому подойти к пониманию материальных основ психических процессов. На смену психоморфологическим представлениям о локализации психических функций в ограниченных участках головного мозга пришла концепция динамической системной локализации функций в головном мозге. Последний не располагает готовыми, биологически унаследованными органами, определяющими его деятельность. Материальным субстратом сложных форм психической деятельности человека являются прижизненно формирующиеся функциональные системы, превращающиеся в функциональные органы [25].

В психологии идея функциональных органов получила дальнейшее развитие в исследованиях А. Н. Леонтьева [18; 19]. Он обнаружил, что у человека функциональный орган реализует «подлинное новообразование в его психическом развитии, а их формирование становится важнейшим принципом онтогенетического процесса», что «при жизни возникающие органы <...> раз сформировавшись, далее функционируют как единый орган, что их существенная черта состоит в их относительной прочности», что «они способны перестраиваться и <...> отдельные их компоненты могут заменяться другими, причем данная функциональная система как целое сохраняется. Иначе говоря, они обнаруживают высочайшую способность к компенсации». Отмеченные особенности функциональных органов, по А. Н. Леонтьеву, позволяют рассматривать эти прижизненно складывающиеся образования как своеобразные органы, специфические отправления которых и выступают в виде психологических способностей и функций.

А. А. Ухтомский и А. Н. Леонтьев рассматривают психическое как функциональный орган индивида, реальность особого рода, имеющую собственные закономерности становления и формирования.

На новом уровне проблема соотношения психического и физиологического анализируется в работах психолога В. П. Зинченко (развивал учение о сознании как функциональном органе индивида; считал, что сознание представляет собой телесно-духовный орган (организм)), философа В. А. Лекторского, физика Е. П. Велихова [6; 11; 12].

Авторы считают, что к психическим реалиям можно и нужно подходить как к особым органам, организованным в сложную систему. Эти органы вполне реальны, они развиваются, функционируют, распадаются, восстанавливаются по особым законам. Их нельзя непосредственно осязать, ощущать, хотя они так же, как и морфологические органы, входят в схему нашего тела. Однако они обладают свойством предметности (восприятие *чего*, память

на что, внимание к чему, мышление о чем). Черты функциональных органов обнаруживаются не только в двигательных актах, но и в актах познания, в когнитивной сфере.

Несомненно, вопрос о субъективном признании функциональных органов имеет непосредственное отношение к позиции наблюдателя и напрямую зависит от картины мира человека. Если его мифология не позволяет признать их существование, они будут описаны на другом языке с привлечением иных средств. (Очевидно, что человеку, придерживающемуся позиции: «Я вижу только то, что я знаю. И если я чего-то не вижу, этого не существует», будет трудно признать подобную реальность.)

Отметим неоспоримую прогрессивность обозначенных идей для психологии; впрочем, данный подход присутствует во всех мировых религиях, в которых как существующие реальности описываются духовно-телесные части — Душа, Ум, Сердце, Тело, Сознание. В терминах концепции Ухтомского они могут быть рассмотрены в качестве функциональных органов.

Несмотря на то, что в некоторых случаях они имеют локализацию в теле, каждый из них представляет собой особый феномен, пока не познанный наукой, выходящий за рамки физического явления. Их выражение обнаруживается на различных уровнях — когнитивном, волевом, эмоциональном и иных; они обогащают возможности человека, раскрывают его потенциал и предоставляют новую степень свободы человека.

В лоне мировых религий веками и тысячелетиями происходит осознанное развитие этих органов и нарабатывание их функционала в каждом случае своими уникальными технологиями.

Несомненно, эта тема достойна отдельного осмысления. В настоящей статье мы лишь скажем, что с данной точки зрения, возможно рассматривать *Душу* не как красивую метафору, но как реально существующий, хотя и не видимый человеческому глазу орган, функцией которого является выработка корректных чувств и способности к сопереживанию. Именно эту способность возвращает христианство, и именно это является ее уникальным вкладом в развитие человечества.

Во всех мировых религиях описывается духовно-телесный орган *Ум (Разумение)*, функцией которого является рождение собственной мысли. Для этого человек обучается ментальным процессам, умению производить логические умозаключения.

Сердце представляет собой не только физический орган. Во всех религиях Сердцу приписывается роль центра, средоточия всех физических и духовных процессов. Именно оно служит связующим звеном между плотью человека и Созидающим Началом. Это и орган всех чувств вообще (в том числе религиозных), и центр познания: Сердцем можно думать [8]. Это орган, функцией которого является способность любить.

Духовно-телесный орган *Сознание*, рассматриваемый прежде всего в восточных религиях, преодолевающий дуалистический, оценочный взгляд на мир, способен синтезировать, объединить

различные элементы и детали и создать максимально цельный образ интересующего явления или мира в целом, обнаружив его суть как квинтэссенцию, точечный ответ на вопрос: «кто есть кто?» и «что есть что?». Функцией сознания является распознавание целостного образа и выявления его сути.

Описанные духовно-телесные части могут быть рассмотрены как функциональные органы. Несмотря на то, что морфологически они не проявлены, можно тем не менее говорить об их устойчивости, поскольку они выражают себя конкретными неповторимыми функциями.

Уместным кажется провести некоторые параллели между биологическими и функциональными органами. Основное отличие состоит в том, что существование биологического органа и производимой им функции отрицать невозможно. Вопрос существования функционального органа (на данном этапе развития науки) напрямую связан с Верой и мифологией человека.

С биологическими органами все намного более очевидно: в норме (в зависимости от пола) человек рождается с определенным набором органов. Их функции можно не просто осознанно поддерживать: «помогать» почкам, печени, физическому сердцу и другим органам функционировать, но и сознательно развивать.

Наиболее наглядно это проявляется, если говорить о теле: так, занимаясь спортом и укрепляя мышцы, человек развивает силу, ловкость, скорость, точность и т.д. Это может способствовать улучшению функции сердца, легких и других органов и поддержанию их в рабочей форме.

В случае хирургической операции и удаления какого-то биологического органа в некоторых случаях заместительную функцию на себя могут взять какие-то иные органы. Впрочем, функции некоторых основных, жизненно важных органов, таких, например, как сердце, легкие, печень, заместить нельзя. Получив существенные повреждения мозга или сердца, человек умирает.

Сложно сказать, бывает ли такое, чтобы орган, не проявленный морфологически, отсутствовал вовсе. Ведь в любом случае мы его не видим и судить о нем можем лишь по наличию/отсутствию соответствующей функции.

А вот если человек не может создать собственную мысль? Если он эмоционально холодный и отчужденный? Значит ли это, что у него не сформирован как функциональный орган Ум или Душа?

Несомненно, крайне трудно умозрительно рассуждать об этом. Однако подобно тому, как у человека должны быть руки, чтобы взять предмет, ноги — чтобы перенести тело в пространстве, для выполнения определенной функции необходим орган. Для того чтобы видеть — нужны глаза; чтобы слышать — орган слуха и т.д. А какой орган нужен для того, чтобы любить? Если нет органа — этот канал связи с окружающим миром закрыт, эту часть окружающей реальности человеку просто «нечем взять».

Недостаточную функцию (или даже отсутствие) функционального органа можно компенсировать какой-то другой (умный, хотя и бессердечный;

душевный, но абсолютно не волевой и т. д.), но заменить ее невозможно.

Сходным с биологическими функциями образом, можно предположить, происходит и осознанное развитие функции определенного органа. Если человек работает над своей способностью рождать корректные чувства, осознавать и умалять некорректные — совершенствуется и становится более уточненной Душа. Учится думать самостоятельно и рождать мысли — развивается Ум. Развивает умение любить (безусловно, открыто, конкретно) — возрастает Сердце. Тренирует способность различать, видеть сути — возвращается Сознание.

Если функция не поддерживается и не развивается — биологический орган деградирует. То же самое происходит и с функциональными органами: задумывается человек или нет, но когда он не уделяет внимание, например, своим чувствам, отрицает их важность, не пытается развить (такое часто бывает в случае признания первенства ментальной деятельности) — можно сказать, что деградирует Душа. Вроде бы это не так страшно, как если бы речь шла о биологическом органе (ведь этого не видно). Но это не может не отразиться на отношениях человека с окружающими и качестве его жизни в целом.

В завершение вступительной, но необходимой, с нашей точки зрения, части, подытожим: в современной науке существует подход, описывающий явление функциональных органов. Психические феномены могут быть рассмотрены как функциональные органы, реально существующие, хотя и не видимые человеческому глазу: пороги восприятия пока не дают человеку возможности более дифференцированного постижения этой реальности.

Человек не рождается с готовыми, биологически унаследованными функциональными органами, определяющими его деятельность. Но в случае целенаправленного развития функции и по достижении определенного уровня наработки орган может быть сформирован.

Очевидно, что подобная внутренняя работа начинается с необходимости признания того, что орган существует и представляет собой реальность, по какой-то причине важную для человека, которую зачем-то нужно развивать. Несомненно, это связано с его картиной мира и системой верований.

Этот начальный посыл рождает устремление осознанно относиться к функции и развивать соответствующий орган. Вопрос смыслов имеет здесь приоритетное значение. Именно смысл помогает человеку выстроить связи, определяет дальнейшие действия по его разработке.

В фокусе нашего внимания находится совесть. Обратимся к тому, можно ли рассматривать ее в качестве органа, если да — какую функцию она выполняет.

Примечательно, что для обозначения совести и сознания во многих языках (греческом, латинском, французском и т. д.) используется одно и то же слово. Сознание происходит от греческого *syneidesis* и латинского *conscientia*, что переводится и как совесть, и как сознание, подчеркивается таким образом родственная связь этих категорий. Однако

у некоторых народов — например, англичан, немцев, русских — понятия различаются (*conscience* и *consciousness*; *das Gewissen* и *das Bewusstsein* соответственно).

Совесть — понятие *морального сознания*, внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, сознание нравственной ответственности за свое поведение. Совесть — выражение способности личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков [5].

Иными словами, совесть *обладает всеми характеристиками сознания* (воспроизводит существенные характеристики и связи действительности, не данные непосредственно в восприятии; способностью выделения себя из внешней среды; создавая цельный образ происходящего и выявлять его суть), кроме того, *является категорией морально-этического ряда*.

В психологической научной литературе тема совести раскрыта достаточно глубоко [2; 3; 9; 10; 13; 14 и др.].

Так, в отечественной психологии широко известен эксперимент под названием «феномен горькой конфеты», проведенный А. Н. Леонтьевым, а затем и другими исследователями, иллюстрирующий рождение личности в онтогенезе. Данный эффект можно наблюдать у детей в возрасте трех лет, когда социальные нормы становятся сильнее непосредственного влечения ребенка. Несомненно, это пока не совесть, но первый этап рождения личности, который характеризуется принятием субъектом социальных норм и ценностей как мотивов своего собственного поведения. Второй раз это происходит, когда формируется его сознательная личность [24].

Е. П. Ильин [13] подчеркивает, что совесть имеет две функции: предупреждающую и ретроспективную. Кроме того, совесть проявляет себя как:

- побудитель, направляющий на соблюдение нравственных требований, создающий положительную психологическую установку;
- запрещающий, останавливающий фактор, заранее осуждающий нас за предполагаемый выбор, за намечаемое поведение; совесть не дает человеку возможности не заметить стоящий перед ним выбор;
- корректирующий фактор во время действия;
- оценивающий фактор, содержащий в себе моральную оценку наших поступков.

Совесть непрерывно оценивает этический характер наших мыслей, указывает на возникающие дурные помыслы или попытки самооправдания [13].

С. А. Барсукова понимает совесть как целостно интегрированное состояние сочувствия, сопереживания, сопричастности «бытию-в-мире», отражающее меру совпадения существования и сущности человека и переживающееся как акт самоосуществления в ситуациях нравственного выбора [2].

В зарубежных исследованиях описываются психоаналитический (З. Фрейд, Э. Нойманн,

Э. Эриксон и др.), поведенческий (Г. Айзенк, Б. Скиннер, А. Бандура и др.), когнитивистский (Ж. Пиаже, Л. Кольберг и др.), интегративный (Н. Айзенберг) подходы. В этом кратком обзоре многообразие мнений просто невозможно отразить. Остановимся лишь на некоторых из них.

Так, Ж. Пиаже выделяет две стадии морального развития человека, основное различие между которыми состоит в ориентации при определении «хорошего-плохого» на чей-либо авторитет (мораль принуждения) или непосредственно на систему моральных норм (мораль кооперации) [23].

Раскрывая свою трехстадийную модель этического развития, Э. Нойманн указывает, что на первой стадии у индивида отсутствует личная и сознательная этическая ответственность. На второй происходит формирование внешней личности на основе идентификации с этическими ценностями и вытеснение в бессознательное элементов личности, несовместимых с этими ценностями. И именно на третьей стадии возникает личная нравственная ответственность и совесть [22].

В версии морально-нравственного развития Л. Колберга [16] лежат правила социального взаимодействия. На протяжении описываемых шести стадий происходит изменение оснований морального рассуждения. На ранних стадиях суждение выносится с опорой на некие внешние силы — ожидаемое вознаграждение или наказание. На самых последних, высших стадиях суждение уже основывается на личном, внутреннем моральном кодексе и практически не поддается влиянию других людей и не зависит от общественных ожиданий. Это уровень развития совести как принципов собственного морального поведения, который может отличаться от мнения членов сообщества.

Итак, эти и многие другие теории раскрывают нравственное развитие человека как процесс, на протяжении которого происходит не только внешнее, но и внутреннее его взросление: переосмысление своего места в сообществе и отношений с ним.

Чаще всего эта динамика описывает детей: предполагается, что по мере развития ребенок переходит на более высокий уровень формирования нравственности. Однако физическое взросление не обязательно ведет к высшей точке морально-этического развития. Взрослый человек может остановиться на достаточно ранних стадиях созревания своего внутреннего мира. Несомненно, он будет обладать какими-то представлениями о добре и зле, постарается сформировать свою морально-этическую картину мира, но это будет сделано на том уровне, к которому на данный момент времени он готов. Будет ли это называться Совесть? Скорее всего, нет.

Формирование совести. В процессе морально-нравственного созревания человек развивает свои качества как личности (социальный статус, гражданская позиция, моральные стандарты и т. д.) и индивидуальности (свобода, творчество, мировоззрение, собственная система ценностей и т. д.).

Напомним: если задача развития личности заключается в том, чтобы стать членом социального

сообщества, то задача индивидуальности — состоять как отдельная единица. Рождение индивидуальности, таким образом, происходит в процессе выделения себя из сообщества. Иногда данная форма бытия принимает необычные конфигурации и выражается в эпатировании окружающих, желании обратить на себя внимание, выделиться среди других (при помощи вычурной одежды, вызывающего поведения и т. д.). Однако можно предположить, что, несмотря на свои отличия, здоровая индивидуальность устремляется все же быть вписанной в социум, а не противостоять ему.

Развитые качества личности и индивидуальности позволяют не только сформировать мировоззрение — собственное представление о добре и зле, но и обозначить свои отношения с сообществом в терминах прав и обязанностей.

В психологических теориях высота морально-этического развития связывается с выработкой собственных правил морально-этического взаимодействия, выражающейся в *добровольном принятии на себя обязательств относительно других людей и сообщества в целом* [4].

Совесть выводит человека за рамки потребления общественных благ и непосредственно связана со способностью отдавать, брать обязательства, определять меру этих обязательств и нести ответственность за свои деяния.

Такие обязательства выражаются в *императивах нравственности* — общих нравственных предписаниях, приказах, обращениях к самому себе. Это не противоположность свободе, но необходимость, накладываемая свободой [15].

В философской, религиозной, научной литературе тема нравственного и морального развития и обязательств представлена достаточно полно. Так, антропологи [1] утверждают, что древнейшим законом, характерным для первобытных народов, был закон *Талион* (от лат. *talis* — такой же). Это категория истории права и нравственности, более известная как равное возмездие. Принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна буквально соответствовать вреду, причиненному преступлением («око за око, зуб за зуб»).

С развитием человечества появляется *«Золотое правило нравственности»* — общее этическое правило, которое обычно формулируется следующим образом: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе» или «Не делайте другим того, чего не хотите себе». Издревле известное в религиозных и философских учениях Востока и Запада, оно является мировым этическим принципом и лежит в основе многих мировых религий.

Начиная с Канта, различают два типа императива: гипотетический и категорический. *Гипотетический императив* подчиняется какому-либо условию, которое обычно определяется преследуемой целью. Примеры гипотетического императива «Если ты хочешь, чтобы твои друзья были с тобой честны, будь честен с ними», «Если не хочешь попасть в тюрьму, не совершай бесчестных поступков».

Категорический императив свободен от каких-либо условий. Он не ставит перед собой

никакой цели. Примеры категорического императива: «будь честен с друзьями», «не лги», «помогай близким безвозмездно» и т. д. Таковы нравственные императивы, носящие абсолютный характер: они не имеют ничего общего с успехом или результатом, осторожностью или выгодой.

Развивая свою личность и индивидуальность, человек создает *собственную картину мира* как понимание мироустройства и своего места в нем, формулирует *законы своей жизни*, отражающие систему ценностей, отношения с социумом, осознанно или не осознанно выражая ее *императивами нравственности*.

Механизм действия совести. Можно предположить, что для совершения акта морального сознания, возникновения внутренней убежденности в том, что есть добро и зло, человек должен произвести достаточно сложные действия.

Непрерывным условием является присутствие картины мира с моральными стандартами и ценностями, к которым он в настоящее время готов. Несомненно, важное значение здесь будет иметь стадия морального развития человека, а также степень ее осознанности. Данная картина мира существует не сама по себе, но выражается вовне в виде императивов нравственности — четко и точно сформулированных законов, обращенных к самому себе и предписывающих вести себя определенным образом.

Кроме того, в ежедневной жизни человек должен создать цельный образ некоего конкретного явления (ситуации, события, предмета или объекта), соединяя все его элементы в единое целое и выявляя его суть (что происходит в действительности). Это действие работы сознания, которое не вдается в подробности и детали, но рисует происходящее четко, конкретно, лаконично, сутево. Например: «это обман», «это нарушение границ», «это моя ошибка».

Подчеркнем, что каждый делает это по-своему: проблемой создания цельного образа часто становится одностороннее восприятие действительности. Если в ситуации человек видит только свою выгоду и актуальные потребности, именно это для него является цельностью. Чем больший масштаб и широту взглядов может себе позволить человек, тем более объемным, масштабным, глубоким и приближенным к действительности будет образ.

Все это обязательные предшествующие условия для обсуждаемого феномена.

Совесть соотносит, сопоставляет моральные законы и стандарты личного поведения с образом конкретного явления (события, ситуации) — и ставит человека в ситуацию *выбора*. Он должен выбрать человека своим же моральными стандартами и требованиями момента; например, между честностью и помощью ближнему; заботой о себе и миром в семье; должностными обязанностями и порядочностью и т. д. Иногда он нарушает общественный порядок для того, чтобы сделать то, что считает более важным. Он выстраивает иерархическую соподчиненность ценностей относительно ситуации в конкретном случае и пространственно-временном континууме. В другой ситуации

выбор человека может быть иным. Совесть говорит об этом, проявляя себя *голосом совести*.

В каких-то случаях бывает трудно услышать именно его, поскольку совесть нередко путают с такими категориями, как стыд, вина, страх, честь, долг, достоинство, бескорыстие, порядочность, ответственность и т. д. Для каждой из этих категорий характерна своя позиция, потребность, свой голос, которым она «звучит» в человеке.

Не случайно В. Франкл говорит о необходимости услышать *тихий голос совести*, ведь лучше всего он слышен, когда все остальные молчат. Именно поэтому многие религиозные практики такое большое значение уделяют достижению «внутренней тишины».

Итак, действие совестью — явление достаточно трудоемкое: выявить картину мира с морально-этическими законами и соотнести ее с образом конкретной ситуации, обнаружить ее суть, а потом услышать голос совести и не спутать его с другими голосами — очень не просто. Для этого требуется большая внутренняя работа.

Дискуссионной представляется правомерность выражений о «чистой» или «грязной» совести; о том, что она может грызть, мучить, изводить, терзать, стыдить, казнить. Это, скорее внешняя, человеческая оценка происходящего; то, что человек делает с собой сам: как *реакция* на этот Голос.

Выражаясь императивами нравственности, совесть не дает оценку «правильно — не правильно» вообще; она находится на много выше этого и не имеет знака. Она констатирует данность, утверждает: «это — так». Однако если несоответствие велико, возникает неприятное чувство несогласованности, человек оценивает поступок как отрицательный: «я обманул, поступил нечестно, был несправедлив», как следствие — «это не хорошо, не правильно» и т. д.

Совесть представляет собой внутренний камертон, который осознанно или нет сонастраивает ежедневные конкретные деяния человека с системой ценностей, высшими принципами и правилами его жизни на высший тон, осознавая их в контексте более высокого начала. Совесть звучит императивами.

Источник совести. Масштаб, глубина совести как выразителя законов своей картины мира может быть очень разной: ее источник напрямую связан с позицией восприятия, которую занимает человек. Со-весть — как совместная весть... с кем? С кем или чем человек оказывается слившимся?

Разные контексты восприятия показывают разную высоту данного явления.

1. Источник совести может находиться в человеке.

Выделяют два основных подхода. Эволюционизм считает, что возникновение и развитие совести связано с общим процессом эволюции и выживанием в социальном сообществе. Интуитивизм утверждает, что совесть есть природное свойство человека, не производное из других элементов. Он не отрицает развития и зависимости ее проявлений от исторических условий, но считает зародыш совести основным свойством человеческого духа [13].

2. *Источник совести может находиться вовне и быть связанным с ценностями социума: сообщества, рода, семьи.*

Представление о добре и зле, моральные принципы присутствуют во всех социальных сообществах. В сказках, когда герой вступает на Путь, нередко появляется персонаж (чаще всего это образ матери), напутствующий и обозначающий правила, своеобразные императивы: уважай старших, помогай людям, трудись и т. д.

Императивы нравственности диктуются правилами поведения в данном сообществе. Очевидно, что все они будут разными и напрямую зависеть от культуры и традиций. Несомненно, они могут быть очень высокими: так, в советском человеке — вышние категории морально-этического ряда.

И все же в этом случае представления о совести ограничены человеческим существом, биологическими и социальными представлениями о нем.

3. *Источник совести может находиться вовне и принадлежать Созидающему Началу.*

Во всех мировых религиях категориям морального ряда уделяется особое внимание. Если совесть — это «совместная весть», то ответить на вопрос «с кем?» можно так: с Созидающим Началом.

Человек устремляется не только сосредоточиться на собственном видении какой-то ситуации, но и посмотреть на нее с позиции Созидающего Начала, не важно — Бог это, Всевышний, Аллах, Абсолют и т. д. Даже если Его взгляд будет отличаться от взгляда человека.

Совесть с этого ракурса — всегда приобщение к вести, к знанию Созидающего Начала. Следовательно, чтобы достичь такой высоты, необходимо развивать чувствительность, кропотливо воспитывать добродетели и проявлять их вовне.

Если устремления на высокий ориентир нет, то человек будет видеть ситуацию «по подобию». Это будет совесть как «совместная весть» с самим собой или с социальным сообществом (родом, семьей и т. д.); она ограничена возможностями человека или социума и не способна перейти на иной уровень глубины и масштаба.

На основании вышеизложенного можно сказать, что существуют различные ракурсы взгляда наблюдателя относительно источника совести: развивает ли ее сам человек (в процессе эволюции или интуитивно), определяется ли она родом или ниспосылается Созидающим Началом. Однако, несмотря на *как* и *откуда*, версии которых могут быть разными, в любом случае речь идет об исключительно высоком явлении.

Совесть есть непосредственное выражение в человеке нравственного мирового порядка (в его представлении) как всеобъемлющей трансцендентной реальности — того уровня и масштаба, который он на данный момент способен охватить. Причем реальность эта существует не сама по себе, но в непосредственном отношении к действительности. Сила и суть совести состоит в том, что она соединяет, синтезирует эту трансцендентную и физическую реальность в единой временной точке.

Совесть отслеживает ежедневные поступки и соотносит их с концептуальным и масштабным представлением о мире, законами и стандартами собственной жизни. Она позволяет человеку совершать тонкую дифференциацию своих деяний, отличать корректные действия от некорректных, видеть рассогласованность. Совесть, если оказывается услышанной, не дает человеку раздваиваться, расщепляться, наоборот, соединяет все его существо в цельность. Являясь стержнем и опорой, она дает опору человеку.

Итак, совесть намного больше, чем просто психологическое качество человека. Это сложнейшее явление, действующее в себе большое количество свойств и процессов.

Совесть действительно может быть рассмотрена как орган различения и сопоставления морально-этических законов собственной картины мира и своих поступков в условиях конкретной ситуации, функцией и выражением которого вовне являются императивы нравственности.

Примечательно, что концепция функциональных органов А. А. Ухтомского началась для него именно с категории «совесть». Он понимал под этим главнейший физиологический орган, конкретнейший аппарат познания-предвидения, цельного знания, который руководит нами обыденно — и в мелочах, и в крупном [26].

Бывает ли такое, что совесть как функциональный орган отсутствует? Выше говорилось, что он не доступен человеческому глазу, судить о нем можно лишь по наличию/отсутствию соответствующей функции. Это происходит, если человек не вырабатывает императивы нравственности и отрицает моральные предписания, направленные к самому себе.

Так, знаменитый немецкий философ и теолог Фридрих Шлейермахер писал о «простых людях»: «Что они зовут совестью, то неведомо мне в обычном смысле; никакое чувство не карает меня, подобно им, и я не нуждаюсь в его предупреждении» [31]. Еще более негативно относились к совести нацисты. Геринг: «У меня нет совести! Мою совесть зовут Адольф Гитлер!». Гитлер о совести говорил так: «Нужно с недоверием относиться к духу и совести — верить своим инстинктам»; «Совесть — жидовская выдумка. Что-то вроде обрезания...» [цит. по 31].

Как мы видим, представление о стандартах и законах жизни, поведении в социуме могут основываться на субъективном взгляде человека. Жизнеспособность подобных взглядов будет относительной, даже в случае искренней веры в них.

Следствием отрицания необходимости создать цельный образ мира, предполагающий выстраивание связей между миром и собой, осознание собственного места, прав и обязанностей в нем, станет расщепление, разделенность себя и мира, ощущение неустойчивости, отсутствие опоры, непонимание происходящего, накопление психологических проблем и неспособность осознать причину их возникновения.

Отсутствие совести обнаруживает трудности человека, существующие на различных уровнях. Очень образно об этом пишет святитель Феофан

Затворник: «... совесть не действует одна, отдельно, а берет себе в посредники и орудия другие силы: рассудок, волю, силу чувствования. Если сии расстроены в путях своих, то и от совести нельзя ожидать правой деятельности» [28, с. 323].

Кроме того, примечательно, что слова «совесть» в Ветхом Завете нет; упоминая о ней, ветхозаветные писатели употребляли слово «сердце» [31].

И если возвращаться в контекст функциональных органов, то можно предположить, что именно Сердце лежит в основе деятельности совести. Именно оно «ответственно» за *способность любить* — открыто, неотчужденно, безусловно, жертвенно. Добровольные обязательства в отношении сообщества берутся не на основе ментальных функций Ума или чувственных способностей Души, но из центровки: из Сердца.

В процессе морально-нравственного развития человек всегда учится любить. Без этого базового Начала Любви действительно «все становится ничем». Этот ценнейший закон христианства показывает, что даже самые замечательные качества индивидуальности, такие, как способность быть свободным, творческим, иметь свое мировоззрение, без любви не приведут к возникновению совести.

Таким образом, если человек отрицает значение совести или просто не развивает ее — он будет находиться в иллюзиях относительно мира и происходящих с ним событиях. Способным видеть цельность мира человеку будет просто «нечем взять». Ведь без соответствующего работоспособного органа этот канал связи с окружающим миром окажется для него закрытым.

Вернемся, однако, к *вопросу о связи совести и смысла*.

Смысл — цельное значение чего-либо, не сводимое к значениям частей. Это ответ на вопрос «зачем мне это нужно?» или «зачем я это сделал?». За каждым смыслом стоит способность человека «войти вглубь» интересующего явления, выявить, синтезировать его внутренние связи. Несомненно, это требует открытости, непредубежденности, масштаба.

Как показано выше, совесть не порождает смыслы, но познается и расшифровывается ими. Через смыслы происходит конкретизация, присвоение более высокого явления, коей является совесть.

Например:

Совесть: *это так* (это предательство)

Императив нравственности: *делай так!* (не отвечай злом на зло)

Смысл: *зачем?* (сохранить собственное достоинство, показать пример детям, дать человеку шанс увидеть свою ошибку, прекратить цепь зла и т. д.)

Смысл — связь, мостик к данности, которую определяет совесть. Смыслы необходимы для того, чтобы присвоить, осмыслить, сделать не формальными, связать их со своей осознанной или неосознанной картиной мира.

Ценность, выделяемую человеком в конкретной жизненной ситуации при помощи совести, Франкл называет смыслом данной ситуации. «Совесть можно определить как интуитивную возможность человека находить смысл ситуации. Поскольку этот смысл — нечто уникальное, он не подпадает под общий закон, и такая интуитивная способность, как совесть, является единственным средством схватывать смысловые гештальты» [29, с. 270].

По мнению В. Франкла, в наш век, когда забыты десять заповедей, когда довлеет чувство бессмысленности, только совесть может помочь найти смысл и решение в любой ситуации [17]. Речь идет о возможности прислушаться к голосу Совести, отличить его других голосов и постараться расшифровать его смыслами.

Подведем некоторые итоги.

Описав феномен «совесть», мы увидели, что она действительно может быть представлена как функциональный орган, который сонастраивает ежедневные конкретные деяния человека с системой его ценностей, представлениями о высших принципах и правилах жизни (точнее, собственными представлениями о них; так, как он их понимает), осознавая их в контексте более высокого начала. Функцией и выражением вовне здесь являются императивы нравственности.

Все это давало В. Франклу основания считать совесть — ориентир направления движения и развития человека — явлением бессознательным, трансцендентным, духовным. Это высший закон, познать который рационально невозможно, только интуитивно.

Совесть может познаваться и расшифровываться смыслами, помогающими конкретизировать, прояснить и сделать более доступным столь высокое явление.

Научное описание функциональных органов вообще и совести в частности является важнейшей задачей науки современности и будущего.

1. Акопян Г. А. Свобода совести: философско-антропологическое измерение: дис. ... канд. филос. наук. Армавир, 2009.
2. Барсукова С. А. Концептуальное поле феномена «совесть» в психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 1. С. 36–44.
3. Баттиани А., Штукарева С. Логотерапия: теоретические основы и практические примеры. М.: Новый Акрополь, 2016. 272 с.
4. Болгарчук Р. Словарь терминов по физиологии сельскохозяйственных животных. М., 2009.
5. Большой психологический словарь. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
6. Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного исследования // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 3–30.
7. Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. 144 с.

8. Вышеславцев Б. П. Значение сердца в религии // Путь. 1925. № 1. С. 70–81.
9. Гуттманн Д. Логотерапия для профессиональной помощи. Социальная работа, наполненная смыслом. М.: Новый Акрополь, 2016. С. 264.
10. Замалиева С. А. Человек все решает сам. Логотерапия и экзистенциальная антропология Виктора Франкла. СПб.: Университетская книга, 2012. 142 с.
11. Зинченко В. П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 79–97.
12. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–98.
13. Ильин Е. П. Психология совести. Вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2016. 370 с.
14. Лукас Э. Учебник логотерапии. Представление о человеке и методы. М.: Новый Акрополь, 2017. 256 с.
15. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012.
16. Корниенко А. Ф. Природа и психологические механизмы совести // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 322–332.
17. Куличенко Т. В., Леонтьев Д. А. Подсознательный Бог: психотерапия и религия // Вопросы психологии. 1991. № 5. С. 172–173.
18. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
19. Леонтьев А. Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
20. Личностный потенциал: структура и динамика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
21. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 103–112.
22. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Азбука-классика, 2008. 256 с.
23. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 679 с.
24. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. М., Российское педагогическое агентство, 1999. 374 с.
25. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
26. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996.
27. Ухтомский А. А. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1950. Т. 1.
28. Феофан Затворник Начертание христианского нравоучения. 2-е изд. М.: Правило веры, 2010. 686 с.
29. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-пресс; Эксмо-пресс, 2000. 368 с.
30. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
31. Совесть. Христианская психология и антропология [сайт]. Режим доступа: <http://www.xpa-spb.ru/slov/2-17.html> (дата обращения: 05.11.2018).

References

1. Akopyan G.A. *Svoboda sovesti: filosofsko-antropologicheskoye izmereniye: dis. ... kand. filos. nauk* [Freedom of conscience: The philosophical and anthropological dimension: Cand.Sc. (Philosophy) dissertation]. Armavir, 2009. 185 p. (In Russian).
2. Barsukova S.A. Kontseptualnoye pole fenomena «sovest» v psikhologii [Conceptual field of the phenomenon of «conscience» in psychology]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, 2013, 34 (1), pp. 36–44 (in Russian).
3. Battiani A., Shtukareva S. *Logoterapiya: teoreticheskiye osnovy i prakticheskiye primery* [Logotherapy: Theoretical foundations and practical examples]. Moscow: Novyy Akropol Publ., 2016. 272 p. (In Russian).
4. Bolgarchuk R. *Slovar terminov po fiziologii selskokhozyaystvennykh zhivotnykh* [Glossary of terms on the physiology of farm animals] (in Russian). Available at: <http://bio.niv.ru/doc/dictionary/physiology-of-farm-animals/index.htm> (accessed 11.11.2018).
5. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. (eds.). *Bolshoy psikhologicheskij slovar* [Large psychological dictionary]. St. Petersburg: Praym-Yevroznak Publ., 2003. 672 p. (In Russian).
6. Velikhov Ye. P., Zinchenko V.P., Lektorskiy V.A. Soznaniye: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [Consciousness: An experience of interdisciplinary research]. *Voprosy filosofii — Issues of Philosophy*, 1988, (11), pp. 3–30 (in Russian).
7. Volovikova M. I., Mustafina L. Sh. *Predstavleniye o sovesti v rossiyskom mentalitete* [Conceptions of conscience in the Russian mentality]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 144 p. (In Russian).
8. Vysheslavtsev B.P. Znacheniyе serdtsа v religii [The meaning of the heart in religion]. *Put — The Path*, 1925, (1), pp. 70–81 (in Russian).
9. Guttmann D. *Logotherapy for the helping professional: Meaningful social work*. New York: Springer Publishing Company, 1996. 256 p. (Rus. ed.: Guttmann D. *Logoterapiya dlya professionalnoy pomoshchi. Sotsialnaya rabota, napolnennaya smyslom*. Moscow: Novyy Akropol Publ., 2016. 264 p.).
10. Zamaliyeva S.A. *Chelovek vse reshayet sam. Logoterapiya i ekzistentsialnaya antropologiya Viktora Frankla* [A man decides everything himself. Logotherapy and existential anthropology by Viktor Frankl]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2012. 142 p. (In Russian).
11. Zinchenko V.P. A.A. Ukhtomsky i psikhologiya [A.A. Ukhtomsky and psychology]. *Voprosy psikhologii — Issues of Psychology*, 2000, (4), pp. 79–97 (in Russian).
12. Zinchenko V.P. Tsennosti v structure soznaniya [Values in the structure of consciousness]. *Voprosy filosofii — Issues of Philosophy*, 2011, (8), pp. 85–98 (in Russian).
13. Ilyin Ye.P. *Psikhologiya sovesti. Vina, styd, raskayaniye* [Psychology of conscience. Guilt, shame, remorse]. St. Petersburg: Piter Publ., 2016. 370 p. (In Russian).

14. Lukas E. *Logotherapy: Textbook*. Springville: Liberty Press, 234 p. (Lukas E. *Uchebnik logoterapii. Predstavleniye o cheloveke i metode*. Moscow: Novyy Akropol Publ., 2017. 256 p.).
15. Comte-Sponville A. *Dictionnaire philosophique*. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. 664 p. (In French). (Rus. ed.: Comte-Sponville A. *Filosofskiy slovar* [Philosophical dictionary]. Moscow: Eterna Publ., 2012. 752 p.).
16. Korniyenko A. F. Priroda i psikhologicheskiye mekhanizmy sovesti [Nature and psychological mechanisms of consciousness]. *Filologiya i kultura — Philology and Culture*, 2014, 1 (35), pp. 322–332 (in Russian).
17. Kulichenko T. V., Leontyev D. A. Podsoznatelnyy Bog: psikhoterapiya i religiya [Subconscious God: Psychotherapy and religion]. *Voprosy psikhologii — Issues of Psychology*, 1991, (5), pp. 172–173 (in Russian).
18. Leontiev A. N. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: v 2 tomakh* [Selected psychological works: In 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika Publ., 1983. 320 p. (In Russian).
19. Leontiev A. N. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1994. 228 p. (In Russian).
20. Leontiev D. A. *Lichnostnyy potentsial: struktura i dinamika* [Personal potential: Structure and dynamics]. Moscow: Smysl Publ., 2011. 680 p. (In Russian).
21. Metodika otsenki urovnya razvitiya moralnogo soznaniya (dilemmy L. Kolberga) [Methods of moral development assessment (L. Kohlberg's dilemma)]. In: Dermanova I. B. (ed.). *Diagnostika emotsionalno-nravstvennogo razvitiya* [Emotional and moral development assessment]. St. Petersburg: Rech Publ., 2002. pp. 103–112 (in Russian).
22. Neumann E. *Tiefenpsychologie und neue Ethik*. Zürich: Rascher Verlag, 1949. 128 s. (In German). (Rus. ed.: Neumann E. *Glubinnaya psikhologiya i novaya etika* [Depth psychology and new ethics]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008. 256 p.).
23. Piaget J. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Selected psychological works]. Moscow: International Pedagogical Academy Publ., 1994. 679 p. (In Russian).
24. Obukhova L. F. *Vozrastnaya psikhologiya* [Age-related psychology]. Moscow: Russian Pedagogical Agency Publ., 1999. 374 p. (In Russian).
25. Slobodchikov V. I., Isayev Ye. I. *Psikhologiya cheloveka. Osnovy psikhologicheskoy antropologii* [Human psychology. Fundamentals of psychological anthropology]. Moscow: Shkola-Press Publ., 1995. 384 p. (In Russian).
26. Ukhtomsky A. A. *Intuitsiya sovesti* [Intuition of conscience]. St. Petersburg: Peterburgskiy pisatel Publ., 1996. 528 p. (In Russian).
27. Ukhtomsky A. A. *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh* [Collected works in 5 volumes]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1950. 299 p. (In Russian).
28. Theophan the Recluse. *Nachertaniye khristianskogo nravoucheniya* [Christian moral guide]. Moscow: Pravilo very Publ., 2010. 686 p. (In Russian).
29. Frankl V. *The will to meaning*. New York: New American Library, 1969. 208 p. (Rus. ed.: Frankl V. *Volya k smyslu*. Moscow: Aprel-press Publ., 2000. 368 p.).
30. Frankl V. *Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager*. Wien: Verlag für Jugend und Volk, 1946. 130 s. (In German). (Rus. ed.: Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow: Progress Publ., 1990. 366 p.).
31. *Sovest. Khristianskaya psikhologiya i antropologiya* [Consciousness. Christian psychology and anthropology] (in Russian). Available at: <http://www.xpa-spb.ru/slov/2-17.html> (accessed 05.11.2018).